

Хозяйственные дела нельзя оставлять на самотек (размышления о книге Г.В. Колодко «Куда идет мир. Политическая экономия будущего»)

ВОРОНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ,

кандидат экон. наук, ведущий научный сотрудник

Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, Новосибирск

E-mail: corpus-cons@ngs.ru

Economic affairs cannot be left to chance (reflections about G. V. Kolodko's book «Where the World Goes. The Political Economy of the Future»)

VORONOV YURIY PETROVICH,

Phd of Economics, Leading Researcher of Institute of Economics and Industrial Engineering,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

E-mail: corpus-cons@ngs.ru

Когда-то, полвека тому назад, советские экономисты и социологи учили польский язык для того, чтобы хоть как-то приобщиться к мировой науке. До чтения литературы на английском языке дело не доходило по многим причинам, которые современному читателю трудно объяснить.

Потом, в восьмидесятые годы, начали потихоньку почитать и американские журналы, польская экономическая наука отошла на задний план, слилась с общим фоном зарубежных экономистов.

И вот передо мной книга польского экономиста Гжегожа Витольда Колодко о политической экономии будущего. Это завершающая книга трилогии, опубликованная после двух других: «Мир в движении» и «Мир на расстоянии мысли». Те книги были в большей степени футурологические, а в этой Гжегож Колодко замахнулся на экономическую науку.

Начинает он с лести в ее адрес: «Экономика — прекрасная наука». Но тут же поправляется: «Экономисты могут быть отвратительными, но честная экономическая наука — нет». Теперь читателю вместе с автором осталось только научиться отличать честную науку от нечестной. Польское слово *uczciwy* можно перевести не только как «честный», но и как «добросовестный». Согласитесь, это в русском языке не одно и то же. Еще больший диапазон это польское слово захватывает при переводе его на английский. Это не только *honest*, но и *fair*. И уж полную противоположность можно было бы получить транслитерацией: *uczciwy* = учтивый.

К честной науке автор относит и лорда Кейнса, который в малоизвестной работе «Экономические возможности наших внуков» наметил нечто для выхода из кризиса 1929–1933 гг., и Фридриха Энгельса с его наиболее известной в нашей стране работой «Положение рабочего

класса в Англии». Автор относит к честным даже Джорджа Оруэлла, который предвидел миллионы видеокamer, технически и практически допускающих контроль «старшего брата». Нечестных экономистов Гжегож Колодко по именам не называет, видимо, из учтивости или из-за полного неуважения к таковым.

Одна из мыслей автора: «рынок не устраняет нечестность, а демократия не устраняет глупость» возвращает нас к истокам классической школы. Вроде бы никто против этой мысли не возражал.

Еще одна мысль, которую декларирует автор, состоит в том, что нет экономики без ценностей. «Нет хозяйственной деятельности без цели. Нет целей без оценочных взглядов. Нет решения без оценки. Нет решений без экономических последствий».

В объем понятия «цель» автором вложено многое. Это и цель выгодной спекулятивной сделки, и цель вырастить внуков, и цель захватить жизненное пространство.

Сокращение государственных расходов снижает темпы экономического роста — это одна точка зрения честной экономической науки, снижение налогов также эти темпы не повышает — другая ее точка зрения. Честнее некуда. В особенности если ты заранее выбрал точку зрения.

«Честная» экономическая наука, по мнению автора, показывает, что «...где налоги и госрасходы выше, там значительно ниже неравномерность в доходах и, наоборот, там же, где налоги сравнительно ниже, там неравномерность в доходах, и как следствие, имущественная неравномерность выше» (с. 45). Тут нужно остановиться на особенностях перевода.

Таким образом, политическая экономия будущего, по мнению Гжегожа Колодко, отправляется от того, что прежняя экономическая наука не учитывает некоторые очевидные факты. Автор формирует два списка государств: с малым (США, Австралия, Швейцария, Япония) и большим (Бельгия, Голландия, Италия, Норвегия, Франция, Швеция) перераспределением государственных средств. Но особых отличий между двумя списками он не находит. И что интересно, это тоже определенный результат.

Выясняется, что само по себе перераспределение доходов должно бы получить оценку. Но очень мало различий в двух списках. Не считать перераспределение негативным явлением, предлагает он. Лучше, по его мнению, вписать его в

разряд тех явлений, которые не могут получить однозначной оценки.

«То, что для одного прогрессивно, для другого может быть консервативным. Развитие кооперативного движения — это проявление прогресса или отсталости? Правительственный контроль над ценами услуг мобильной связи — это выражение рыночного консерватизма или социального прогресса? Гомосексуальные браки (и их экономические последствия, например, специфические налоговые льготы) — это свидетельство прогресса или Содом и Гоморра? Но прежде всего: максимизация темпа роста производства — это точно прогресс, или как?» (с. 50).

И далее автор выдвигает мысль, ставшую оригинальной только в самое последнее время. Ее нам, советским студентам-экономистам вдалбливали с первого курса. Валовый внутренний продукт (ВВП) — крайне неудачная экономическая категория, слабо отражающая экономический рост. Гжегож Колодко говорит о «пост-ВВП экономике», т.е. о той политической экономии, в которой отсутствует безоглядное использование ВВП. Для меня это означает возврат к тому, чему меня учили. Для Г. Колодко это — политэкономия будущего, для меня — политэкономия советского прошлого. И тогда нужно было знать, что национальный доход с учетом паритета покупательной способности — лучший показатель, чем ВВП. Об этом пишет Гжегож Колодко на страницах 54–56 своей книги.

Первая глава книги «Куда идет мир» наводит на мысль, что мир идет к признанию важной роли советской экономической науки, которая, несмотря на изоляцию, всегда подавала пример экономистам других стран. Весь мир знает Николая Дмитриевича Кондратьева и Василия Васильевича Леонтьева. Русские следы есть в фамилиях других выдающихся экономистов: Питер Солоу (Петр Салов), Волтер Ростоу (Владимир Ростов) и Саймон (Семен) Кузнец. Специалистам хорошо известен выдающийся советский экономист Борис Давидович Бруцкус. В Израиле работает его музей. Без него не так успешно бы работали израильские кибуцы и затянулось бы рождение аграрного чуда в пустынях этого, по выражению Ильи Эренбурга, «первого в мире еврейского государства рабочих и крестьян».

Вторая глава книги озаглавлена вопросом «Можно ли спроектировать экономическое будущее?». После пространных рассуждений общего

плана о роли воображения при предсказании будущего автор переходит к личному опыту и соотношению, в связи с этим, экономики и политики. «Когда весной 1994 года я стал вице-премьером по экономическим вопросам и министром финансов, я тут же стал политиком и, как я тогда говорил, свои собственные ответы экономиста я стал воспринимать как вопросы к политику... в своей наивности ученого я надеялся, что, будучи по сути прав, я основную часть времени буду посвящать проведению творческой экономической политики (то, что по-английски зовется *policy*) и лишь самую малость времени у меня займет политика (та, что *politics*), которую я считал сферой чего-то другого. Какая ошибка! Все было совсем наоборот...» (с. 69–70).

Иными словами, вопрос о возможности проектировать будущее средствами (или результатами) экономической науки наталкивается на то, что в промежуток между наукой и практикой втискивается политика (в смысле *politics*). Политика в концепции Гжегожа Колодко — это учет интересов многих групп населения, различных категорий бизнеса, что он и показывает на многочисленных примерах из финансово-валютной сферы.

Получается, что если преодолеть политику и суметь учитывать интересы почти всех, то экономическая наука пригодится для проектирования будущего. Но, допустим, мы научились проектировать будущее, смешивая свое воображение и науку. Но удастся ли такой проект реализовать? Ответу на этот вопрос посвящена третья глава книги.

Озаглавлена она таким образом: «Пригодность экономики для созидания действительности». В данном случае под «экономикой» понимается, как и в большей части книги, «экономическая наука».

Первая же фраза главы ошарашивает: «В принципе экономика не экспериментальная наука» (с. 87). Простите, а как же лауреат Нобелевской премии по экономике Вернон Смит, который и премию эту получил за экспериментальную экономику? А сотни и тысячи экономистов по всему миру, которые экспериментируют с тарифами на электроэнергию, ценами на розничных рынках, прорабатывают способы воздействия на покупателя или партнера цветом, запахом и словом? Но заглядываешь в список литературы в конце этой главы и успокаиваешься. Первой в списке идет работа Вернона Смита «Переговоры и рыночное

поведение. Очерки экспериментальной экономики». И окончательно успокаиваешься, когда видишь ссылку и на Канемана. Несколько страниц после этой фразы посвящены окончательно расслабляющему читателя описанию основных экспериментов в духе Вернона Смита и Даниела Канемана. Но читатель зря успокоился. Он доходит до с. 92 и читает: «Другое дело «эксперименты» в экономической политике».

«В теории ты прав или не прав. На практике тебе удастся или не удастся. Если бы было так, что теоретическая подсказка однозначна, если бы было так, что макроэкономическое решение не отягощено никакими сомнениями, экономическая политика была бы успешной, т.е. правильной. Но так бывает, скорее, реже, чем чаще, потому что из-за противоречия интересов и множества несовместимых целей, с одной стороны, и теоретической неясности — с другой, экономическая политика движется по скользкой дорожке. А конкретное решение принимать надо, потому что время не терпит» (с. 93).

Далее автор вводит две категории, которые, на его взгляд, помогут хотя бы отчасти решить дилемму «право-удача»: будущее ожидаемое и будущее созидаемое. Немного дальше автор показывает различие между двумя представлениями о будущем, приводя примеры из истории градостроительства.

Он пишет: «После самых разных, так часто оказывавшихся бесполезными, уроков истории, и старой, и той, что поновее, честный и умный экономист знает, что хозяйственные дела нельзя оставлять на самотек. Чего-то подобного могут требовать только закоренелые апологеты неолберализма, о котором мы уже знаем, что ловко дерегулированную экономику он трактует как инструмент такого распределения национального дохода, при котором незначительное зажиточное меньшинство обогащается еще больше за счет бедного большинства» (с. 99).

Неолиберализм ориентируется на ожидаемое будущее, полагая, что рыночные механизмы, равно как и мотивы поведения всех, неизменны, а потому можно такое будущее прогнозировать. Политэкономия будущего, как можно догадаться по прочтении первой сотни страниц книги Гжегожа Колодко, ориентируется на созидаемое будущее. Становится понятным и смысл термина «политэкономия будущего». Вот так, чтобы понять заглавие, нужно прочитать не меньше сотни страниц.

Политэкономия будущего — это политэкономия создаваемого, а не ожидаемого будущего.

Естественным становится отход от классической школы и, соответственно, от классического марксизма, поскольку в рассуждениях о созидаемом будущем нельзя игнорировать государство, которое у Маркса, бывшего выше всяческих национальных перегородок, получило определение-афоризм: «Государство — собственность бюрократии». Даже этого собственника — бюрократа Маркс не впустил в знаменитую четверку своего политэкономического спектакля (капиталист-рабочий-земледелец-банкир). Начинаем читать книгу Г. Колодко с еще большим интересом. В чем интрига? Запустит ли он представителя государства пятым персонажем?

Пока же на ближайших страницах для автора государство совпадает с местоимением «мы». Он пишет: «...к будущему нужно выходить навстречу, а не идти наперекор, надо экономической политикой облегчать появление того, в чем мы заинтересованы, а также затруднить то, чего нам хотелось бы избежать» (с. 101). Вот эти «мы», по мнению автора, должны видеть не в пределах нескольких лет, а ставить задачу на десятилетия вперед.

Интересны его ответы на вопрос: «Можно было бы избежать текущий экономический кризис?» Это не один ответ, их три. Если этот вопрос задавать сейчас, то очевидно — нет. Если бы его задали в 2008 г., то ответ был бы также отрицательным, исправить уже было ничего нельзя, в особенности в Евросоюзе. Если же вопрос об уходе от современного кризиса был бы задан в 1998 г., то тогда «в академической среде» было понимание того, как «если не предотвратить кризис, то, по крайней мере, притормозить темп нарастания его предпосылок».

Но в 1998 г. расклад был таким, что его полностью можно перенести на нынешнее время. «В решающих для глобальных финансов англосаксонских странах, в Соединенных Штатах и Великобритании — хотя они производят только четверть мировой продукции, а их население составляет неполных 6% мирового, до первой стадии атаки кризиса они контролировали половину мировых финансов — такие попытки имели место» (с. 103). Казалось бы, если у вас в руках половина финансов мира, можно и вырулить, не допустить сильного экономического кризиса. Но Билл Клинтон не победил рейганомику в США, а Тони

Блэр не победил тэтчеризм в Великобритании. И потому попытки смягчить последствия кризиса оказались безуспешными. Отпустить вожжи проще, чем их натянуть.

Не удалось уговорить 6% населения, в результате весь мир лишился спокойствия. Гжегож Колодко по этому поводу философски обобщает: «...желаемое будущее сначала превращается в возможное будущее, которое позже становится реальностью» (с. 104).

И дальше идут слова, которые не могут не затронуть душу бывшего советского человека: «...Я родом из той части света, в которой план когда-то был чуть ли не святыней, а теперь стал чем-то вроде проклятия. Нечто подобное произошло и с термином «политическая экономия»: невежды расшифровывают его как политизацию, а то и вообще идеологизацию экономической науки, которая вроде как должна сводиться исключительно к хозяйственному расчету. Но мы уже знаем, что это наука о разрешении противоречий, непременно сопровождающих хозяйственную деятельность в живом теле общества» (с. 105).

В России в конце XX в. экономисты очень быстро перековались, научившись к месту и не к месту поминать ВВП. К теме несовершенства ВВП как макроэкономического показателя Г. Колодко возвращается многократно по ходу изложения. Он сравнивает его с национальным доходом.

Одновременно российские экономисты напроць позабыли термин «политическая экономия». Повсеместно кафедры политической экономии быстро переименовали в кафедры экономической теории. Отказавшись от прошлого, мы окунулись в невнятицу *economics*, в которой неплохо чувствует себя любой дилетант.

«В качестве курьеза» автор книги отмечает, что никому в голову не пришло менять название *Journal of Political Economy*, многолетнего печатного издания Чикагского университета, этого рассадника неолиберализма. И Г. Колодко однозначно положительно отвечает на вопрос: «Следует ли при формировании будущего прибегать к планированию?». И, конечно же, речь идет, в первую очередь, о планировании на перспективу.

Отступлением от основной линии выглядит четвертая глава книги «Глобализация — казус истории?». Но отступление это необходимо, без него нельзя было бы ни написать, ни понять пятую главу: «Рынок и государство в эпоху глобализации».

Глобализацию Гжегож Колодко рассматривает как «мегатренд» или «мегапроцесс», проявляющийся во многих сферах, который «длиннее, чем наша жизнь». Прямо об этом не говоря, он, со всей очевидностью, относит глобализацию к категории принципиально ожидаемого, а не создаваемого будущего.

Прежде всего, он просит читателя не преувеличивать масштабы глобализации на данный момент и приводит скромные цифры: «Только 1% американских предпринимателей ведут операции за границей, только 2% студентов получают образование в чужих странах, только 3% населения Земли живут вне стран, где они родились, не более 7% директоров фирм, котирующихся в биржевых списках *S&P 500*, это иностранцы...» и т.д. Кроме некоторого преувеличения уровня глобализации, Г. Колодко отмечает разительные перемены, которые с этим процессом связаны. Так, основная часть СССР, Российская Федерация, в 1990 г. производила в три раза больше, чем Китай, а спустя два десятилетия Китай производит в пять раз больше, чем современная Россия.

Хотя автор всего лишь указывает на этот факт, но даже без комментариев он наводит на грустные размышления. В чем причина такого катастрофического отставания? Из предыдущего изложения следует, что винить нужно разнузданный неолиберализм гайдаровского образца и убеждение, что «рынок сам все отладит». Но если ты находился внутри той экономики, что по ходу глобализации стала катастрофически отставать, то вместо общих проклятий неолиберальной распушенности начинают появляться вполне конкретные темы исследований. Почему, например, до сих пор существует плоская шкала налогообложения физических лиц и не введен налог на роскошь? Почему не удалось создать систему товарных бирж, хотя бы зерновых? Почему нет общедоступного фонда кредитных историй? Где рынок залогов? Почему банки не работают как банки?

Тезис, что глобализация неизбежна, вызывает сомнения автора, но он не может не отметить три достоинства, какие она предоставляет: 1) расширение рынков сбыта и проистекающая из этого экономия на масштабах; 2) более эффективное вложение человеческого и финансового капитала; 3) повышение квалификации «работников, вовлеченных во всемирный обмен». Более того, Г. Колодко не исключает и возврата «к сильным национальным государствам, закрытым за своими

границами, за торговыми барьерами и другими инструментами протекционизма». И он цитирует работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», поражаясь тому, «насколько точно данная характеристика» подходит «к современности, к нынешней фазе капитализма» (с. 125).

Более того, Гжегож Колодко даже знает пару вариантов, как может получиться такой возврат: например, если Китай захватит Тайвань, и тогда международные санкции будут направлены не на изоляцию России, а фактически на расщепление мирового рынка. Второй вариант возврата — нападение Ирана на Израиль. И в том, и в другом случае даже ВТО не справилась бы «с возвращением волны протекционизма». Далее автор ставит восемь целей перед международным сообществом: искоренение нищеты, всеобщее начальное образование, равноправие полов и т.д. Под международным сообществом автор подразумевает ООН и другие международные организации. Он понимает, что преградой этому является неподконтрольность никому сотрудников международных экономических организаций.

И Г. Колодко завершает главу о глобализации: «Глобализация, в общем и в частности выгодная для человечества, является своеобразной экономической и политической игрой, в которой сталкиваются могущественные интересы. Эта не лишняя риска игра с нулевой суммой, и поэтому глобальный рынок нельзя оставить на произвол судьбы. Он требует координации и регулирования, что очень трудно: уже появилась взаимозависимая глобальная экономика, но все еще не видно соответствующего субъекта и эффективного механизма всемирной координации экономической политики» (с. 153).

Здесь уже хочется возразить Гжегожу Витольду Колодко. Рассуждения о возможном в будущем «субъекте координации» сродни подозрениям о наличии уже существующего «мирового правительства». Чтобы работали оба, нужно единое для мира хозяйственное право. Иначе любое правительство и любой субъект становятся частным случаем организованной преступной группы (ОПГ). Единый для мира Гражданский кодекс (ГК) должно было создать Многостороннее соглашение об инвестициях (MAI), которое активно разрабатывалось с 1982 г., но потом разработка его прекратилась по непонятным причинам. В этом будущем мировом ГК должно было быть

определено, что такое государственное предприятие, когда по его обязательствам ответственность несет государство и т.д. Должно было быть единое для мира определение некоммерческой организации и мн. др.¹

Всемирная торговая организация (ВТО), о которой Г. Колодко отзывается почти восторженно, создавалась и функционирует как совокупность частных двухсторонних и многосторонних соглашений. При этом сохраняется неопределенность используемых категорий. Именно эта неопределенность используется для силового давления крупных стран и транснациональных компаний. К этой теме автор возвращается неоднократно. Так что за сохранение международного хозяйственно-бесправия выступают серьезные силы, которые вряд ли можно отождествлять с мировым правительством или с «субъектом координации».

Удивительно все-таки, почему Г. Колодко не упоминает о МАИ. Ведь первый раз он стал вице-премьером Польши в 1994 г., когда разработка Соглашения еще продолжалась. По-видимому, всемирный Гражданский кодекс противоречил бы одной из важных его идей — большей самостоятельности исполнительной власти в международных отношениях.

Завершает первый раздел книги глава «Рынок и государство в эпоху глобализации». Начинается она, как и следовало ожидать, с разбора книги Адама Смита «Основы теории нравственных чувств», от которой он почти сразу переходит к паре «Кейнс-Калецкий». Если о «кейнсианской революции» написано много, то об «экономике Калецкого» несопоставимо мало. Г. Колодко пишет: «И Калецкий, и Кейнс смотрели на экономику, прежде всего, со стороны управления спросом, подчеркивая роль манипулирования уровнем и салдо государственных расходов» (с. 157).

И дальше следует призыв к абсолютной конверсии, сплетению положений разных

экономических школ: «...времена, в которые мы живем, нельзя назвать временами полного краха экономики предложения или временами нового триумфа экономики спроса. И монетаризм не ушел в небытие, и (нео-) кейнсианство пока не одержало окончательной победы над ним. И в том, и в другом наборе то один, то другой инструмент оказываются полезными для стабилизации экономики и взвинчивания конъюнктуры. Ибо, как нам уже известно, сейчас время гетеродоксии, а не сидения на концепциях, к которым кто-то слишком прикипел душой в давно минувшие эпохи» (с. 163).

Вообще термин «гетеродоксия» на русский язык можно переводить как ересь или еретическое суждение. В современной экономической теории это означает смесь двух течений так называемого мэйнстрима: неолибералов (включая неоклассиков) и посткейнсианцев (государственников)². Это упрощенная трактовка гетеродоксии, практикуемая в подготовке экономистов в российских университетах. Более четко и категорично она выражена в приведенной выше цитате из книги Г. Колодко: «не сидеть на концепциях». Правильнее было бы назвать этот принцип паллиативом.

Аргументация автора в пользу гетеродоксии представляется безупречной. Государство до половины XX в. было совсем другим, чем сейчас. Его компетенция ограничена с одной стороны местным самоуправлением, с другой стороны — международными организациями и соглашениями. Нет ни одной страны, которая могла бы претендовать на полный суверенитет. Можно даже не останавливаться на роли в экономике отдельно взятого государства Евросоюза. От себя добавлю — если государство зависит от цен на нефть, то это не то государство, о котором говорил лорд Кейнс.

Из множества проблем, которые подняты в книге, выделяются «принципы направления глобализации». Их автор насчитывает десять: ориентация на будущие явления и процессы, уважение национального суверенитета «в определенных границах», единство в многообразии, ограниченная автономия социальных решений, делегирование ряда полномочий на региональный уровень, усиление прерогатив исполнительной власти до решений на международных форумах,

¹ Экспертные обсуждения МАИ начались еще в 1960-е гг. Тогда были приняты два основных документа по инвестициям: *Code of Liberalisation of Capital Movements* и *Code of Liberalisation of Current Invisible Operations*. Пик обсуждений будущего МАИ пришелся на середину 1980-х гг. Высказываются предположения, что работе жестко противодействовали США. Но кусочки объяснений будущего мирового экономического бесправия сводятся к тому, что часть положений МАИ вошла в документы ВТО и НАФТА. С начала 1990-х гг. обсуждения начались уже в рамках ВТО и ОЭСР. В октябре 1998 г. Франция, которая инициировала разработку МАИ, отказалась ее продолжать. Эксперты от СССР участвовали в обсуждении МАИ с 1982 г.

² Существует сайт экономистов-гетеродоксов: http://afee.net/?page=heterodox_economics&sub=associations.

возможность принуждения соблюдать международные правила, глобальный компромисс частных и публичных интересов, международные общественные консультации и участие неправительственных организаций в работе международных органов. (с. 175–176). Фактически эта программа из десяти пунктов и есть видение будущей глобальной экономики. Стоит ли отмечать, что оно не проистекает из экономической теории, даже если ее хорошенько перемешать гетеродоксией. Это видение, вероятнее всего, проистекает из практического многолетнего опыта работы Гжегожа Колодко одним из руководителей польского правительства.

И в таком же стиле он говорит о тех ограничениях, которые накладываются на работу «глобальных регуляторов». Эти регуляторы не в состоянии «обогнать быстротекущее время», они вынуждены уважать национальные суверенитеты независимо от роли государства в национальной экономике. Поэтому регуляторы не должны навязывать всем одни и те же институты, им нет смысла предлагать одним странам те решения в социальной сфере, которые подходят другим странам. Тем не менее «все больше решений должно приниматься не на национальном уровне, а на уровне региональных интеграционных объединений» (с. 179).

Деликатным вопросом представляется автору выдвинутый им тезис: «Миром нельзя управлять по принципу «пришел — ушел». А из этого следует сокращение «прерогатив» исполнительной власти. В качестве примера Г. Колодко приводит проект всемирного налогообложения финансовых сделок (налога Тобина). Руководители ряда стран G7 выдвинули этот проект, но когда они вернулись в свои страны, то национальные законодатели резко отклонили это предложение.

«Глобальные регуляторы должны формироваться в ходе процедур, обеспечивающих выполнение решений». Это потребует создания «функциональной системы международного мониторинга, санкциям которой, в свою очередь, должны подчиняться региональные, национальные и локальные регуляторы» (с. 181). И далее автор приводит пример из голливудского фильма, когда шериф догоняет бандита до границы штата и останавливается, поскольку его права далее не распространяются. По уму, нужно все-таки поймать бандита. И автор заключает: «Международное регулирование и надзор — дело более трудное, но возможное». Думаю, что расширить

полномочия шерифа на соседний штат — тоже не просто.

Наконец, процитирую самый романтичный отрывок книги, также касающийся будущих глобальных регуляторов: «...новый мировой порядок не может появиться ни исключительно, ни даже главным образом из гегемонистских устремлений самых сильных из игроков. Он должен представлять собой равнодействующую столкновения интересов частных корпораций и регулирующих их деятельность международных организаций «...», а также теряющих силу и значение национальных государств и растущих в своем значении региональных интеграционных образований» (с. 183). Будь я редактором книги, я бы, несомненно, поменял «не может» на «не должен» и «должен» на «может». Однако от таких замен у автора чрезмерно повысилась бы ответственность за свои слова.

Правда, он берет эту ответственность далее, когда делает прогноз, что в будущем во Франции и Скандинавских странах перераспределение государственных средств будет увеличиваться, а в США, напротив, уменьшаться. При этом он полагает, что есть синдром сокращения государственных расходов без их учета. «В настоящее время нет лучшего (или, вернее, худшего) примера такого синдрома, как Соединенные Штаты. Поразительно, что эта большая страна, отличающаяся одной из самых больших и развитых рыночных экономик, а не какой-то там «восходящий рынок» сумела так испоганить свои государственные финансы. Сегодня Соединенные Штаты больше напоминают поставленную на голову одну из латиноамериканских экономик 1980-х гг., а не недавнего гегемона и образец для подражания» (с. 191). Прогноз повышения налогов в США — ответственная заявка, которую мы проверим, нужно лишь подождать. И как заключительный аккорд — предложение создать всемирный страховой фонд, в который бы собирали со всех стран с доходом более 20 тыс. долл. на человека в год по одному промилле от ВВП. Вот это уже доставит читателю существенно меньше удовольствия, чем повышение налогов в США.

Второй раздел книги начинается главой «Экономика без ценностей как жизнь без смысла». Эволюция ценностей и их культурное влияние на процессы развития названы автором «первой из великих проблем будущего» (с. 205). Нельзя не согласиться с автором, что современная экономическая теория игнорирует ценности на том

основании, что они имеют слабую связь с экономической динамикой. Демократические ценности не гарантируют высоких темпов роста, а пропаганда честности, благородства и трудолюбия не приводит к исчезновению казнокрадства и мошенничества, которые сосуществуют с меценатством и чтением «во всех приличных бизнес-школах» лекций о социальной ответственности бизнеса. Все это сосуществование будет продолжаться, по мнению Г. Колодко, длительное время.

Откровением для меня было рассуждение автора о том, что в нынешнем огромном потоке информации аксиологические проблемы чаще всего теряются. И пример выбран удивительный. Известно, что Реформация в Европе началась с того, что Мартин Лютер прибил лист с его 95 тезисами к дверям Виттенбергского храма. И можно согласиться с тем, что живи он в эпоху Интернета, то размещение тех же его 95 тезисов на сайте храма ни к какой Реформации бы не привело.

«Вторая Великая проблема Будущего — это институционализация глобализации как альтернатива нарастающей нехватке координации и хаосу» (с. 224). Но для решения этой великой проблемы у автора нет рецепта. Единственное, что он смог сказать по этому поводу, что единые правила и единожды определенные институты для регулирования мировой экономики вряд ли возможны. То же касается международных соглашений и несогласий, рассматриваемых в седьмой главе, хотя систематизированный материал на эту тему чрезвычайно полезен.

Более последовательна позиция автора в отношении социальных и экологических границ экономического роста (глава 8). Если в первой половине XXI в. ограничиться ростом мирового валового продукта всего в 2% на человека в год, то и это будет на две трети больше, чем за 180 предыдущих лет, с 1820 по 2000 г. Но даже для скромных темпов нужно усилить ресурсо- и энергосбережение.

Две причины замедления роста мировой экономики видит Г. Колодко: нехватка природного сырья и система сознательной политики ограничений роста. И в отношении Мальтуса, столь осуждаемого и в СССР, и в социалистической Польше, автор придерживается компромиссной позиции. Он признает, что Мальтус ошибался в числах. Вряд ли он мог допустить, что спустя 200 лет после него удастся прокормить 7 млрд землян. Да и теперь мы можем ошибиться, полагая, что невозможно

будет обеспечить всем необходимым 50 млрд жителей Земли, которые будут жить спустя 200 лет после нас. Но автор книги полагает, что Мальтус прав в принципе: «в будущем не будет всеобщего изобилия» (с. 265). Прошло более сорока лет после публикации доклада Римского клуба «Пределы роста». Сейчас видно, что и авторы доклада ошибались в числах. Но они правы в принципе.

Почему же при всей очевидности существования пределов роста остается стремление к более высоким темпам? Г. Колодко объясняет это девятью причинами:

1. Производительность труда растет благодаря техническому прогрессу, что автоматически увеличивает объемы производства.

2. Быстрый рост производства снижает безработицу.

3. Все хотят улучшить свое материальное положение.

4. Изобретения и инновации получают сами по себе.

5. Конкуренция понуждает к росту.

6. Экспансия — природная черта капиталиста.

7. Рост — потребность политиков.

8. В международных сравнениях хочется быть не хуже.

9. Рост видится единственным выходом из кризисов.

Г. Колодко не предлагает вариантов, как можно разорвать это взаимопереплетение поводов к безудержному экономическому росту. Мне, например, видится, что разумно и возможно пресечь причины 3, 7 и 8. Но у другого читателя наверняка в голове сложится другой комплект. Автор отвергает, не вступая в дискуссию, идею нулевого экономического роста³. В конце книги он даже называет ее «экономическим нонсенсом» (с. 462).

А жаль, поскольку в дальнейшем он, при обсуждении приемлемых темпов роста, частично фактически соглашается с этой концепцией. Правда, часть такой дискуссии на страницах книги осталась, и с ним не согласятся богатые мира сего. «Богачам не помешает повнимательнее посмотреть вокруг. Чтобы увидеть, какая же вольготная у них жизнь по сравнению с жизнью других, увидеть, как много они могут потерять. А потерять они могут, и много, если будут безудержно стремиться к еще большему обогащению» (с. 275). Тут

³ См. Jackson T. *Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet*, NY, Earthscan, 2009.

и мое мнение такое же: лучше пугать, чем свергать. Хлопот меньше.

Если рассуждения относительно ограниченности природных ресурсов — событие довольно рядовое, то тему, поднятую в девятой главе книги, любой читатель сочтет свежей и оригинальной. Называется эта глава «Еще одно переселение народов». Да, рост населения в разных частях планеты был разным. За последнюю четверть века в Европе население выросло на 1%, в Азии — примерно на треть и в Африке — на две трети. Американцев от Аляски до Огненной Земли стало больше на две трети за прошедшие сорок лет. Г. Колодко иногда вообще не выражает своего отношения к предлагаемым мерам ограничения рождаемости. Так, он пишет: «Очевидным проявлением социально-экономического консерватизма является отказ женщине в праве самостоятельно решать, хочет ли она забеременеть и родить ребенка» (с. 302). И дальше — о предотвращении беременностей в раннем возрасте.

Хорошо это или плохо с этической стороны? График, определяющий, когда какая женщина может забеременеть, мне действительно пришлось видеть лет 25 назад в одном из старых кварталов Пекина. Я спросил тогда сопровождающего нас: «Ну и как, работает?». Тот ответил честно: «Иногда сбои бывают». И, подумав, добавил: «Даже в Китае».

Но получится сделать ли во всем мире то, что было можно в Китае? Ответа в книге нет. Вместо этого поднята другая проблема, известная не так широко. «В 83 странах у женщин нет достаточного количества дочерей «...» девочек становится все меньше. В Гонконге через 25 поколений будет рождена последняя женщина...» (с. 309–310). А в конце следующего тысячелетия, по данным ООН, то же произойдет в Испании, Японии, России, Италии. И опять это — ожидаемое будущее, с которым приходится мириться. Нельзя изменить разницу отношений к новорожденным сыну или дочери, это коренится в глубинах культуры.

Единственная рекомендация, которую автор поместил в эту главу, состоит в сдерживании миграции. Но как это сделать? Да и в этом есть сомнения, поскольку в переселении народов он усматривает и положительные моменты: «...миграция — это большой шанс. Причем для обеих сторон» (с. 327). В одной стране снижается безработица, в другой — появляются дешевые рабочие руки. Сглаживаются различия в доходах между странами.

Десятую главу «Бедные и богатые» Гжегож Колодко начинает с максимы Конфуция: «...в хорошо управляемом государстве стыдно быть бедным, а в плохо управляемом государстве стыдно быть богатым» (с. 331). По оценке автора, 80% населения Земли живет в тех обществах, где дифференциация доходов возрастает. В особенности это касается Африки и Латинской Америки с коэффициентом Джини выше 0,5. Что же касается Азии, то в ней Г. Колодко нашел таким только Гонконг и Таиланд, в которых коэффициент Джини равен соответственно 0,533 и 0,507. В США и Китае приемлемая пока неравномерность доходов растет, в Латинской Америке снижается. Но в целом по миру — растет. Пятна деиндустриализации, покрывшие земной шар, увеличивают неравномерность доходов.

Крайне интересны соображения автора относительно черты бедности. Он задает вопрос: «Можно ли сравнивать 70%-ю бедность в Конго с 15%-й в США?». И ответ ожидаем: «Бедность — понятие относительное» (с. 347). Для 900 млн землян бедность — это недоедание. Для остальных — невозможность приобрести ничего, кроме еды.

Расчеты автора показывают множество парадоксов бедности, какие ждут нас в будущем. Например, четверть бедняков мира в будущем будет сосредоточена в двух странах мира: Нигерии и Демократической республике Конго. Средств борьбы с бедностью Г. Колодко насчитывает всего два: перераспределение государственных средств и прогрессивное налогообложение. Адресную помощь автор также не отвергает, хотя и приводит пример Пакистана, где из доллара помощи ученикам из бедных семей до этих учеников доходит только 17 центов.

Вместе с тем автор по какой-то причине не делает вывод, который с очевидностью вытекает из текста: «Неравномерность доходов следует жестко ограничивать вот такими средствами...». Почему нет вывода? Видимо, по той причине, что есть Гжегож Колодко профессор и есть он же — политический деятель.

«Ничто нас не спасет, если мы сами не станем спасать себя», — так начинает Г. Колодко главу одиннадцатую про технический прогресс. Но потом он начинает излагать свое представление о новой промышленной революции, которая уже идет. Получается, что самим спасать себя уже не нужно. Компьютеры, роботы, автомобили без водителя, нанотехнологии, 3D-печать (аддитивная

технология) — про все это можно прочитать не только в книге Гжегожа Колодко. Но оригинальным, на мой взгляд, является описание трех процессов, сопутствующих НТП. Это — государственное стимулирование НИОКР, стремление акционеров крупных компаний снизить расходы на НИОКР в пользу дивидендов и слияния и поглощения, напротив, стимулирующих разработки и инновации.

Двенадцатая глава книги посвящена экономике знаний и названа в стиле XIX века: «Кто больше знает, тот и выигрывает, или о роли ума, знания и умения». «...Почему ум не гарантирует богатства, а то, что богатство не является гарантией ума — несомненно... Но это меняется, потому что все большую роль в ведении хозяйства начинает играть знание» (с. 383). Главный тезис, какой доказывает автор: «Инновационность в большей степени зависит от системного окружения, чем от инновационных склонностей самих предпринимателей» (с. 388). Против этого трудно спорить, разве что «инновационные склонности» сами также зависят от окружения.

Последующие главы можно определить уже упомянутым выше словом «гетеродоксия». Так, в одной из них Г. Колодко описывает азиатскую экспансию. Он рассказывает о ней спокойно: Польша дальше от Китая, чем Сибирь. Он приводит аргументы и в пользу опасений, и в пользу спокойствия. Так что выражения типа: «Нельзя исключать и «жесткой посадки» Китая» (с. 442) воспринимаются по-разному на берегах Вислы и на берегах Оби. Разные впечатления в Восточной Европе и в Северной Азии и от слов: «Однако не факт, что китайская экономика замедлится...» (с. 448). Точно так же совсем не успокаивают слова о том, что не получилось ни вестернизации, ни американизации мировой экономики, — значит, не получится и китаизация. Есть определенные нюансы и почти неизвестные факты в отношении китайской и в целом азиатской экспансии на мировые рынки, но они мало что добавляют к тому, чтобы из ожидаемого будущего сделать создаваемое.

Гжегож Колодко красочно описывает двойственность позиции американских политиков и экономистов. С одной стороны, они вроде бы должны стоять на позициях либерализма и свободного рынка, с другой — выступать за протекционистские меры защиты собственной экономики от экспансии китайских компаний. Сплошная гетеродоксия получается.

Максимально приближается автор к конкретным предложениям по ограничениям на неравенство по доходам в предпоследней, 15 главе «Новый прагматизм, или Экономика умеренности» (с. 457–459). Но и здесь есть пределы смелости для бывшего польского министра финансов. Это можно оценить и как недостаток, но, вполне возможно, и как достоинство. Именно эта глава — самая принципиальная в книге. В ней предлагается заменить показатели экономического роста показателями сокращения социального и имущественного неравенства.

Согласен, гонка за ростом потребления — это дорога в никуда. Но аргументация что-то мне напомнила. «Работавшая до сих пор логика процесса воспроизводства состоит в автономно растущих потребностях обладания разными товарами и их потребления, что стимулирует рост их производства» (с. 462). Вспомнил! На первом курсе у нас был предмет «научный коммунизм». Главное, что требовалось от нас, запомнить, в чем цель социалистической экономики. И я запомнил навсегда, что эта цель — «все более полное удовлетворение постоянно растущих потребностей» населения. Ключевым в приведенной выше цитате из рецензируемой книги является слово «автономно». Оно же неявно присутствует и в сталинском определении цели, которое нас заставляли заучивать в вузе.

Но на этом сходство мыслей Г. Колодко и вождя народов заканчиваются. Автор пишет: «...современная экономика не может не заниматься механизмами формирования потребностей и способами их удовлетворения» (с. 463). Только читатель обрадовался, как тут же ссылка на маркетинг и бихевиористскую экономику. А также на моральные запреты: «Невозможно запретить людям хотеть обладать чем-то, равно как нельзя приказывать им, чтобы они чего-то захотели. Тогда была бы оруэлловская действительность» (с. 464).

И тем не менее: «Невозможно сократить разрыв между нарастанием субъективных потребностей и объективными возможностями их удовлетворения без соответствующего пересмотра ценностей в области человеческих — как индивидуальных, так и всего общества — желаний. Невозможно сократить его без соответствующих законодательных актов, блокирующих экспансию «плохих» потребностей, и разумного поощрения «хороших», хотя бы к занятиям спортом и к чтению литературы. Его невозможно

сократить без обращения к конкретной политике, где особое значение имеет недопущение чрезмерной доходной и имущественной дифференциации общества» (с. 465–466). И действительно, почему бы не запретить выпуск самых дорогих автомобилей, чтобы они не стимулировали подражание. Да и смотреть по сторонам, ездить в другие страны нужно поменьше, а то словаки сравнивают свою страну с Австрией, эстонцы — с Финляндией, вьетнамцы — с Таиландом. Автор, разумеется, не предлагает прекратить эти сравнения.

Он для начала предлагает ввести некоторый показатель («корзину»), названный им «интегрированным индексом успеха». Он состоит на 40% из уровня ВВП на душу населения и по 20% в него вносят свой вклад показатели удовлетворенности жизнью, оценки окружающей среды и оценки объема и качества свободного времени. Г. Колодко, как человек высокой культуры, оговаривается: «В этом предложении — довольно произвольном — главное не подробности, не частности, а направление поисков». И автор убедительно доказывает, что «нам на будущее нужна экономика умеренности, а не эксцессов, дефицита, неравномерности и кризисов» (с. 470, 471).

Вот и прочитана книга «Куда идет мир. Политическая экономия будущего». Теперь пришла очередь общих впечатлений о ней. Представляется, что главный призыв книги — возродить политическую экономию в стиле XIX в. — вряд ли удастся. Ну и что из того, что сохранилось название чикагского журнала *Journal of Political Economy*? Можем открыть его и увидеть, что ничего похожего на известную нам политэкономия в нем не печатают. Автор не убедил меня, к сожалению, что наука «политическая экономия» способна быть возрожденной. В самом начале находятся положения «экономики умеренности», которая вряд ли будет похожа на политическую экономию. В той прежней политэкономии прямых рекомендаций не содержится. В «Богатстве народов» нет четких рекомендаций отменить таможенные пошлины, а в «Капитале» — настоятельных требований совершить пролетарскую революцию. Наука всегда старалась

обособиться от проектов, ее функция — лишь готовить для них обоснования.

Книга Гжегожа Колодко — не политэкономия будущего, а только подход к ней. Если уж проводить смелые аналогии, то она вызывает ассоциации не столько с «Капиталом», сколько с «Теорией прибавочной стоимости», с подготовкой к чему-то более важному.

Эта книга наводит на размышления, и в этом главное ее достоинство. Она ставит на порядок больше вопросов, чем дает ответов. С чем-то хочется соглашаться, чему-то категорически возражать. Но не в этом дело. Книга заставляет, можно сказать, понуждает читателя вырабатывать собственную позицию по фундаментальным вопросам экономической теории. Например, какие же выводы о будущем экономической науки сложились у меня после чтения этой книги?

Первый вывод — что о регуляторах мировой экономики можно научиться говорить без политической истерии.

Второй вывод — что рано или поздно произойдет антикейнсианская контрреволюция в том смысле, что нельзя будет больше мириться с разделением экономической науки на макроэкономику и микроэкономику. И книга Г. Колодко, несмотря на то что автор — сторонник гетеродоксии, может восприниматься как один из предвестников реставрации единой экономической теории. Макроэкономика будет опираться не на сомнительную официальную статистику, а на массовые данные микроэкономики.

Третий вывод — государство обязательно войдет в экономическую науку, но вряд ли как действующий субъект. Государственный чиновник не станет таким же персонажем экономической теории, как капиталист, рабочий или банкир. Скорее всего, национальные государства будут представлены лишь набором правил хозяйственной деятельности и ограничений, накладываемых на нее. Слишком размытая фигура получается у чиновника, нет у нее четкого определения функций, целей и мотивов.

С этими тремя выводами, впрочем, тоже можно поспорить.